

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

Павел Висковатый

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

Жизнь и творчество

Москва
2018

УДК 821.161.1.09 Лермонтов М.Ю.
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Лермонтов М.Ю.
В53

В оформлении обложки использованы:
на 1-й стороне — репродукция картины
«Портрет М.Ю. Лермонтова»: Private Collection / Archives
Charmet / Bridgeman Images / Fotodom.ru.
на 4-й стороне — рисунок М.Ю. Лермонтова

Разработка серии А. Саукова

Висковатый, Павел Александрович.
В53 Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творче-
ство / Павел Висковатый. — Москва : Эксмо, 2018. —
544 с. — (Жизнеописания знаменитых людей (ЖЗЛ)).

ISBN 978-5-04-095926-6

Книга П.А. Висковатого принадлежит к классическим трудам XIX века. Исследователь опирался на свидетельства людей, лично знавших поэта, и эта работа по праву считается первоисточником для изучения жизни и творчества Лермонтова. Биографией Лермонтова Висковатый завершил подготовленное им «Полное собрание сочинений» поэта, приурочив выход книги к 50-летию со дня гибели поэта. По словам Висковатого, на этот главный труд жизни его побудила «та страстная любовь», которая с детства привязывала его к памяти Лермонтова.

УДК 821.161.1.09 Лермонтов М.Ю.
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Лермонтов М.Ю.

ISBN 978-5-04-095926-6

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть I

ДЕТСТВО И ПЕРВАЯ ЮНОСТЬ

ГЛАВА I

*Бабушка поэта Е.А. Арсеньева. — Отец и мать. —
Рождение М.Ю. Лермонтова. — Семейная жизнь
родителей. — Смерть матери и разлука с отцом. —
Детские забавы. — Воспитатели и товарищи
детства. — Поездки на Кавказ. — Первая любовь*

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, и память о ней тесно связана с именем поэта. Она лелеяла его с колыбели, выходила больным ребенком, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образование, сосредоточила на нем всю свою любовь и заботы. В преклонных летах, частью именно из-за этой беззаветной преданности к внуку, пользовалась она всеобщим уважением и не раз успевала отвращать своим заступничеством серьезную опасность, грозившую поэту. Когда его не стало, она выплакала по нему свои старые очи. Ослабевшие от слез веки падали на них, и, чтобы глядеть на опостылый мир, старушке приходилось поддерживать их пальцами.

По рассказам знавших ее в преклонных летах, Елизавета Алексеевна была среднего роста, стройна, со строгими, решительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая речь подчиняли ей общество и лиц, которым приходилось с ней сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всем говорила «ты» и никогда никому не стеснялась высказывать то, что считала справедливым.

Прямой, решительный характер ее в более молодые годы носил на себе печать повелительности и, может быть, отчасти деспотизма, что видно из ее отношения к мужу дочери — отцу нашего поэта. С годами, под бременем утрат и испытаний, эти черты сгладились — мягкость и теплота чувств осилили их, — хотя строгий и повелительный вид бабушки молодого Михаила Юрьевича доставил ей имя Марфы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школе. В обширном кругу ее родства и свойства именовали ее просто «бабушка».

Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина, была дочь богатого помещика Алексея Емельяновича Столыпина, давшего многочисленному своему семейству отличное воспитание. Многие из членов этой семьи представляли собой людей с недюжинными характерами, самостоятельных и даровитых. Сперанский был с ними в самых приятельных отношениях, и они поддерживали дружбу с ним даже и во время его опалы, когда многие боялись иметь к нему какое-либо отношение¹.

¹ Это видно из переписки Сперанского с дочерью [см. Р. Арх., 1868 г.]. См. книгу барона Корфа: «Жизнь графа Сперанского», Спб., 1861 г., стр. 54, 55, 127, 131, 167, 273 и 368. С сыном Алексея Емельяновича, Аркадием Алексеевичем Столыпиным (1777—1825), бывшим обер-прокурором сената, Сперанский оставался в деятельной переписке [см. Р. Арх. 1869 года, стр. 1682—1708 и 1966 и дал.]. Кроме этого Аркадия Алексеевича (по счету второго брата), женатого на дочери знаменитого графа Николая Семеновича Мордвинова, у Арсеньевой были братья: 1) старший Александр Алексеевич — адъютант Суворова; 2) Дмитрий Алексеевич — генерал-лейтенант; 3) Афанасий Алексеевич (1788—1866), служивший с отличием храброго офицера в артиллерию; был саратовским предводителем дворянства, женат на Устиновой, памятен в Москве своим хлебосольством и, по уверению Лонгинова, был особенно любим и почитаем Лермонтовым [Р. Стар., 1873 г., т. VII, стр. 381]; 4) Николай Алексеевич, известный своей храбростью, командир Ямбургского полка [«Истор. Ямб. полка», стр. 679—696]; он был в Севастополе губернатором и погиб в 1830 году во время чумного восстания, так называемого «бабьего бунта» [Русь, 1880 г., № 3; тоже Р. Арх. 1868 г., стр. 1108 и Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр., 566]. Сестер у Арсеньевой было три: старшая была за Евреиновым, Екатерина — за Хостатовым и Наталья — за Григорием Даниловичем Столыпиным (однофамильцем). Лонгинов

Сам Алексей Емельянович был человек бывалый, упрочивший состояние свое винными откупам, учрежденными при Екатерине II. Событыльник графа Алексея Орлова, Алексей Емельянович усвоил себе и повадки, и вкусы его. Он был охотник до кулачных боев и разных потех, но все-му предпочитал театр, который в симбирской его вотчине был доведен до возможного совершенства и, перевозимый хлебосольным хозяином в Москву, возбуждал общее удивление. Актерами были крепостные люди, но появлялись на сцене порой и домочадцы, и гости.

Дочери Алексея Емельяновича, девицы крепкого сложения, рослые и решительные, повыходили замуж уже в почтенном возрасте. Елизавета Алексеевна, бабка Лермонтова, сочеталась браком с гвардии поручиком Михаилом Васильевичем Арсеньевым, который был моложе ее лет на восемь.

Арсеньев был членом большой семьи, владевшей селом Васильевское в Тульской губернии, Ефремовского уезда. Женившись, Михаил Васильевич переехал с женой в имение Тарханы, Пензенской губернии, Чембарского уезда. В Васильевском оставались жить родные сестры его, девицы Варвара и Марья Васильевны, вдовая Дарья Васильевна да четыре его брата. Бывая в Москве и перекочевывая из нее в Пензенскую губернию, Арсеньевы подолгу гостили у них в Васильевском. От брака этого была всего одна дочь — Марья Михайловна. Отец ее, по рассказам, умер неожиданно и при необыкновенных обстоятельствах.

Хотя старушка Арсеньева впоследствии охотно говорила о счастливом супружестве¹, но в действительности

ошибается, говоря [Р. Стар., 1873, т. VII, стр. 381 и 566], что одна из сестер была за Шан-Гиреем, — за ним замужем была племянница Арсеньевой, дочь Хостатовой — Марья Акимовна. — А. М. Тургенев в записках своих [Русск. Старина, 1885 г. ноябрь, стр. 276 и декабрь, стр. 473] относится и Столыпину и особенно к дочерям его неблагоприятно.

¹ Рассказы о бабушке Арсеньевой я записал со слов г-жи Гельмерсен, урожден. баронессы Росильон (†1885 г. в Дерпте), муж которой

сравнительно молодой муж чувствовал себя, кажется, не вполне счастливым с властолюбивой женой. Он увлекся соседкой-помещицей, княгиней или даже княжной Манвой. Елизавета Алексеевна воспылала ревностью к своей счастливой сопернице и похитительнице ее прав. Между женой и мужем произошла бурная сцена. Елизавета Алексеевна решила, что ноги соперницы ее не будет в Тарханах. Между тем как раз к вечеру 1 января охотники до театральных представлений Арсеньевы готовили вечер с маскарадом, танцами и театральным представлением *новой* пьесы — шекспировского Гамлета в переводе Висковатова¹. Гости начали съезжаться рано. Михаил Васильевич постоянно выбегал на крыльцо, прислушиваясь к знакомым бубенчикам экипажа возлюбленной им княжны. Полная негодования, Елизавета Алексеевна следила за своим мужем, с которым она уже несколько дней не перекидывалась словом. Впоследствии оказалось, что она предусмотрительно послала навстречу княжне доверенных людей с какой-то энергичной угрозой. Княжна не доехала до Тархан и вернулась обратно. Небольшая записка ее известила о случившемся Михаила Васильевича.

Ал. Петрович Гельмерсен был командиром роты школы юнкеров. Он за болезнью или за отсутствием Шлиппенбаха (начальника всей школы) исполнял его должность. Многие юнкера, в том числе и Лермонтов, были вхожи в семью Гельмерсена. Через внука познакомилась с нею и бабушка Арсеньева.

Однажды в обществе, в квартире Гельмерсена, заговорили о редких случаях счастливого супружества. «Я могу говорить о счастье, — заметила бабушка Лермонтова. — Я была немолода, некрасива, когда вышла замуж, а муж меня баловал... Я до конца была счастлива». Одна из присутствовавших, молодая женщина, тоже стала уверять, что и она весьма счастлива. «Ты богата, молода и хороша, — вернула бабушка, всем говорившая «ты», — вышла замуж за старика, — как же ему тебя не баловать?» См. тоже, что рассказал о бабушке Лонгинов в Современ., 1856 г., № 6, стр. 162.

¹ Гамлет в переделке Сумарокова существовал с 1748 г., следовательно, не мог называться новой пьесой. Перевод или скорее переделка Степана Ивановича Висковатова была напечатана в первый раз в 1811 году, но в театре разыгрывалась раньше.

Что было в этой записке? Что вообще происходило между Арсеньевым и женой?.. Дело кончилось трагически. Пьеса разыгрывалась господами, некоторые роли исполнялись актерами из крепостных. Сам Арсеньев вышел в роли могильщика в V действии. Исполнив ее, Михаил Васильевич ушел в гардеробную, где ему и была передана записка княжны. Пришедшие затем гости нашли его отравившимся. В руках он судорожно сжимал полученное извещение¹.

Во время трагической смерти отца Марье Михайловне было лет пятнадцать. Мать страстно любила дочь свою, и, кажется, эта беззаветная привязанность вызвала охлаж-

¹ Похоронен М. В. Арсеньев в фамильной часовне в Тарханах. Над ним женой поставлен мраморный монумент с надписью на передней стороне: скончался 1810 года, 2-го января. Справа написано: Михаил Васильевич Арсеньев. С левой стороны: родился 1768 года, 8-го ноября. — Сопоставляя числа, выходит, что Арсеньев действительно был на 8 лет моложе жены, скончавшейся в 1845 году 85-летней старухой.

Рассказ о смерти Арсеньева слышан мною от близких к семье Ман-ых людей, но еще раньше, в 1881 году, в Тарханах мне сообщали старожилы разные вариации смерти Арсеньева. Говорили, между прочим, что в Тарханах съехавшиеся на святках гости задумали рядиться. Ряженные собрались в зале, но вдруг, среди общего веселья, заметили, что одного из кавалеров недостает. Пошли отыскивать его в мужскую уборную и наткнулись на Михаила Васильевича, лежавшего мертвым на полу, в костюме и маске. Говорили, что он умер от удара. См. статью мою в Русской Мысли, октябрь 1881 г., но только тут я не поместил рассказа Александры Суминой, бывшей дворовой девушки Арсеньевой, старушки еще довольно бодрой, доживавшей свой век в Тарханах. Когда я ее видел, ей было уже за 80 лет (старожилы утверждали, что ей кончается 9-й десяток). Она утверждала, что была девчонкой на побегушках, когда умер Арсеньев, и помнила только, что «барин с барыней поборанились. Гости в доме, а барин все на крыльцо выбегали. Барыня сердчала. А тут барин пошли с заступом к гостям и очень жалостно говорили, а потом ушли к шкафчику, да там выпили, а там нашли их в уборной помершими. Барыня оченно убивалась» и т.д. Уж более поздние сообщения пояснили мне сбивчивые рассказы старухи. Очевидно, Арсеньев с заступом перед гостями был в роли могильщика. От других старожиллов слышал я рассказ в подобном же роде [см. Живописн. Обзорение, 1884 г., № 39].

дение к мужу. Однако со смертью его проснулись воспоминания первых счастливых лет супружества, и Елизавета Алексеевна старалась устроить жизнь свою в прежних рамках. Как при муже, она каждый год проводила несколько месяцев в Москве, куда ездили из пензенского имения, посещая и останавливаясь на пути у родных и знакомых помещиков.

Возвращаясь однажды из Москвы, мать с дочерью заехали в Васильевское, к Арсеньевым, да и загостились у них. С Арсеньевыми находилась в большой дружбе семья Лермонтовых, жившая по соседству в имении своем Кроптовка. Она состояла из пяти сестер¹ и брата Юрия Петровича, который был воспитан в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, а потом служил в нем и вышел в отставку по болезни в 1811 году с чином капитана². Таким образом была прервана довольно успешная карьера 24-летнего офицера. Объясняется отставка, кажется, необходимостью переехать в имение и заняться хозяйством, с которым сестры не могли справиться.

Красивый молодой человек с блестящими столичными приемами произвел на Марью Михайловну сильное

¹ Наталья, Александра, Авдотья, замужем за Пожоговым-Отрошкевич, Екатерина (потом вышедшая за Свинына) и Елена, вышедшая за Петра Вас. Виолева. Г. Никольский в статье «Предки М. Ю. Лермонтова», Русск. Стар., 1873 г., т. VII, на стр. 553 ошибочно называет лишь двух сестер Юрия Петровича: Екатерину и Елену, основываясь частью на показаниях М. Н. Лонгинова.

² Сведений о Юрии Петровиче очень немного. Родился он в 1787 г. и воспитывался в 1-м кадетском корпусе, откуда в 1804 году октября 29-го, 17 лет от роду, был выпущен в Кексгольмский пехотный полк прапорщиком. Однако менее чем через 11 месяцев его переводят на службу в только что покинутый им кадетский корпус, что, конечно, может указывать на то, что молодой человек был у своего начальства на особенно хорошем счету. В 1810 году получает он чин поручика, а 7 ноября 1811 года увольняется в отставку, по болезни, с чином капитана и с мундиром. Во весь срок семилетней службы Лермонтов пользовался вниманием начальства. Три раза было ему объявлено «Высочайшее удовольствие и благодарность» [указ об отставке см. в Русск. Стар., 1873 г., т. VII, стр. 563].

впечатление. Женское население Кроптовки и Васильевского жарко принялось за дело, и, к радости или к неудовольствию Елизаветы Алексеевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна приехала с матерью в Тарханы объявленной невестой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась к проектированному браку и недоброжелательно глядела на бедного капитана, принадлежавшего не к родовитому их кругу. Венчание происходило в Тарханах, с обычной торжественностью при большом съезде гостей. Вся дворня была одета в новые платья. Среди гостей находились сестра Юрия Петровича и мать его Анна Васильевна.

Хотя Юрий Петрович, как увидим ниже, и происходил от древней шотландской фамилии, рано переселившейся в Россию, и предки его занимали видные должности при первых царях из дома Романовых, но род их обеднел, средства оскудели, и сам Юрий Петрович, как и другие, вряд ли знал хорошо свою родословную. Это можно видеть из того, что сын его еще в 1834 году не имел точных сведений о роде своем и обращался к родственнику своему за гербовой печатью, чтобы вырезать герб на своей¹.

Выйдя замуж, Марья Михайловна не получила в приданое недвижимого, и за ней считалось всего 17 душ без земли, вывезенных покойным отцом из его тульской деревни. Зато мужу ее, Юрию Петровичу, предоставлено было управлять имениями матери, селом Тарханы и деревней Михайловская. Он и распоряжался этими имениями до самой смерти жены полным хозяином — «вошел в дом», по выражению старожилов. Молодые выехали из Тархан в Москву, когда состояние здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними последовала и Елизавета Алексеевна.

¹ Рассказ Ивана Николаевича Лермонтова в Р. Стар., 1873 г., т. VII, стр. 393.

Лермонтовы поселились в доме генерала-майора Федора Николаевича Толя¹ около Красных ворот. Здесь у них со 2 на 3 октября родился сын. Крещен он был 11 октября и в честь деда Арсеньева наречен Михаилом². И в этом тоже заметна настойчивость характера бабки Арсеньевой, потому что из рода в род Лермонтовы именовались то Петром, то Юрием. Поэт наш первый в длинном ряду предков получил нетрадиционное имя, и отец его Юрий Петрович согласился на это неохотно³.

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Из Тархан уже вперед, до срока, прислали двух крестьянок с грудными младенцами. Врачи выбрали из них Лукерью Алексеевну в кормилицы к новорожденному. Она долго потом жила на хлебах в Тарханах, и Михаил Юрьевич уже взрослым не раз навещал ее там, справлялся

¹ Статья Розанова — Русск. Стар., 1873 г., т. VIII, стр. 113, и зам. Лонгинова — Русск. Стар., т. VII, стр. 380. «Дом Толя, — говорит Розанов, — перешел, вероятно, к Бурову, потом к иностранцу Пенанд, а через 6 лет к Голикову».

² Для совершения обряда крещения были приглашены из церкви Трех Святителей протоиерей Николай Петрович Другов, дьякон Петр Федорович, дьячок Яков Федорович и пономарь Алексей Никифорович. Восприемником был коллежский ассессор Фома Васильевич Хотяинцев, а восприемницей — бабка новорожденного Арсеньева. Метрическое свидетельство напечатано в Русской Мысли 1881 г., ноябрь.

³ По указаниям Хвостовой [записки Е. А. Хвостовой, стр. 186], Лермонтов родился в 1815 году. Это утверждает и Лонгинов, весьма, впрочем, ненадежный в своих показаниях, что не раз будем иметь случай доказать [Русск. Вестн., 1860 г., № 8, стр. 383, и Русск. Стар., 1873 г., т. VII, стр. 380]. В Петербургских Губернских Ведомостях 1867 года, № 50, помещена статья Прозина: «Выдержки из моего дорожного журнала». В статье этой описывается село Тарханы и могила Лермонтова, на которой г. Прозин прочел: «Лермонтов родился 30 октября 1814 г.». Описания памятника чрезвычайно различны. Так, в Илл. Газете [1867 г., № 12] говорилось, что на памятнике кроме надписи «М. Ю. Лермонтов» больше ничего нет [переп. с «Зап. Хвостовой», стр. 254]. В Русск. Художеств. Листке [1 марта 1862 г., № 7] помечено, что Лермонтов родился 3 октября 1814 г. По точным описаниям г. Журавлева, проверенным мною на месте, памятник имеет следующие надписи. На передней стороне: «Михаил Юрьевич

о житье-бытье и привозил подарки¹. Из Москвы Лермонтовы с бабушкой и грудным ребенком своим вернулись в Тарханы, и Юрий Петрович выезжал из них лишь иногда по хозяйственным делам то в Москву, то в тульское имение².

Супружеская жизнь Лермонтовых не была особенно счастливой; скоро даже, кажется, произошел разрыв или, по крайней мере, сильные недоразумения между супругами. Что было причиной их, при существующих данных определить невозможно. Юрий Петрович охладел к жене. Может быть, как это случается, ревнивая любовь матери к дочке, при недоброжелательности к мужу ее, усугубила недоразумения между ними. Может быть, распущенность помещичьих нравов того времени сделала свое, но только в доме Юрия Петровича очутилась особа, занявшая место, на которое имела право только жена. Звали ее Юлией

Лермонтов»; на правой: «скончался 1841 г. 15 июля»; на левой: «родился в 1814 г. 3 октября». Сам поэт праздновал день своего рождения 3 октября [см. письмо к нему Верещагиной в Русск. Обозр., август 1890 г., стр. 734]. Г. Розанов поместил в Русск. Стар., 1873 г., стр. 113, точную справку из архива московской консистории, в коей говорится, что Лермонтов родился 2 октября. Бабушка праздновала день рождения Лермонтова 3 октября, она же и поставила ему памятник и, конечно, не ошиблась бы. Примиряя оба сведения, я полагаю, что Лермонтов родился со 2-го на 3 октября. Крестивший Лермонтова Н. П. Другов в свое время пользовался известностью в духовном мире [подробная биография в Душеполезном Чтении 1866 года, кн. VI]. И ныне священническое место при церкви Трех Святителей находится в роде Другова.

¹ В Тарханах и по сие время живут потомки Лукерьи, сохранившие прозвище «Кормилициных».

² Обыкновенное предположение биографов (Дудышкин и за ним другие), будто мать Лермонтова увезла его в Тарханы, а отец оставался жить в тульском своем имении, опровергается сведениями, собранными в Тарханах. Сведениями этими я обязан Петру Николаевичу Журавлеву, которому приношу искреннюю благодарность. Ему я обязан данными о бабушке, отце и матери поэта и юности его. Рассказы старожиллов, выписки из метрик, надписи могильных памятников и разные указания были им доставлены мне с готовностью и точностью, много облегчившие мои поиски.